

* * *

Я впервые увидел сегодня:
В черном небе застывшие звезды
Надо мною, как слезы Господни.
И тогда осознал я, как поздно
Начинаю я видеть...

В ЛЕСУ

Свет, отразившись, ко мне попадает в зрачок,
Формируя в мозгу все твое отраженье.
Матовым блеском сияет сквозь воздух плечо,
И, блуждая по телу, дрожит наважденье
Солнечных бликов, завязанных в желтый пучок,
Мокроватого мха, комариного пенья,
Губ перламутровых, вкрадчивых слов и еще...
Осторожно танцующих прикосновений...

* * *

* * *

Я выверну всю подноготную слова
И там, в нагловатой его наготе,
В слепящем сиянии слова нагого
Весь вспыхну я снова — от ног до ногтей.

На сцене солидная дама
Старинный романс исполняет.
Морщины овальною рамой
Движения рта повторяют.

Пиявками вздернуты брови.
В щеках, размалеванных грубо,
Гирляндами бусинок крови
Качаются пухлые губы.

Весь вырез на платье певицы
Заполнен напудренным телом,
Беспомощной белою птицей
Рука от груди отлетела,

Понизился голос манерно,
В экстазе белки умирают.
И вздернула бедрами нервно,
Под платьем трусы поправляет...

Тут вспыхнули аплодисменты...

С Л У Х И

* * *

Из КГБ в ЦДЛ
Кто-то с письмом прилетел:
Мудрый генсек — президент —
Просит в текущий момент
ЦК-КГБенину мать
Только добром поминать.

Из ЦДЛа в ЦК
Нету ответа пока...

Дуга розоватая радуги
Слоистый изогнутый луч
Оклейен прозрачной бумагою
С чернильными кляксами туч.

В деревьях, остриженных наголо,
Осипшие птицы галдят.
Их клювы, набухшие влагою,
Сияют, как капли дождя.

Долина цветами усеяна.
И мир до краев освещен,
Но слышно, как дышит размеренно
Холмами земли горизонт.

Л У Б О К

* * *

Жил маленький злой кгбешник
В коробке моей черепной.
Листал мое дело небрежно,
Посмеивался надо мной.

Со скучи, бывало, он тронет
За нерв оголенный, и я
Сломаюсь в привычном поклоне,
Как будто на спице паяц.

И так мы полжизни прожили,
Всегда неразлучны, вдвоем.
Наверно, в роддоме моем
Его прямо в мозг мне вживили.

В первом отделе начальница-Ленка
Ваньку на скользком диване валяет.
Ленин с большим интересом на сценку
Сверху, со стенки, прищурясь, взирает.

Ванькины пальцы по Ленке блуждают.
Лица срослись в поцелуе тягучем,
Ноги у Ленки от пота сияют,
Ленин дрожит над диваном скрипучим.

Пляшут на спинке трусы и колготки,
Ленка к портрету задрала коленки,
Ванька в восторге кричит во всю глотку,
Ленин трясется над ними на стенке.

Ванькины руки обмякли безвольно,
Ленка встает, как матрешка, качаясь.
Дышит внизу живота треугольник,
Ноги расставив, вождя изучает.

Красные губы несут ахинею,
Злики в глазах, словно бритвы, сверкают.
Ленин из рамки чуть вытянул шею.
Ленкино тело его возбуждает.

А за стеной веселая пьянка,
Льется из радио музыка Глинки,

Медленно отодвигается Ванька
И начинает возится с ширинкой.

Ленка глаза поднимает к портрету.
Кровь с молоком в ее теле бурлит.
Ленин не в силах все выдержать это.
Прямо из рамки на Ленку летит.

ПИСЬМО В БОСТОН

В Кремле интриги. Вождь-импровизатор
Шинкует разноцветные слова.
От митингов народных депутатов
У населения пухнет голова.

Все говорят, никто не хочет слушать.
Пугает власть гражданскую войной.
Исчезло все, что можно было кушать,
И ожидают голода весной.

Изобретает для страны лекарство
Синклит из новоявленных вождей.
И чавкает машина государства,
Заглатывая деньги и людей.

Народ и власть, как мазохист с садистом.
И обсуждают лучшие умы,
Кто виноват? Евреи? Коммунисты?
Все, кто угодно, только бы не мы!

Империя, похоже, развалилась.
Уж слишком многим нечего терять.
И неуклонно набирает силу
Родное наше „Общество Память”!

По дому бродят братья-россияне,
Организуют будущий погром,

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРЕХСТИНИЯ

Сущность имени это звучание.
Сущность вещи — в звучании названия.
В самом имени — скрытое знание.

Существительно имя звучащее,
В основании фразы лежащее
Существительное подлежащее.

А сказуемый смысл движения
Отлаголен степенным скольжением
Вдоль к придаточному предложению,

Где склоняются неукоснительно
Окончанья имен существительных
Падежами. Все чаще винительным.

Вместе с ними в смиренном склонении
Дожидаются произнесения
Наши личные местоимения.

Перезревшими черными почками
Набухают в словах многоточия,
Запятые, кавычки и прочие...

Ритмизованные пунктуацией,
Части речи простились в прострации,
В ожидании реанимации,

Оживления чьим-то дыханием...

ПЛЫВУЩЕЕ БАРОККО

Принарялись зданьица
Все кружева расправили,
В зелено-белых платьицах
Плынут сквозь облака,
Гирляндой окна тянутся,
В них, словно мед расплавленный,
По черным стеклам катится
Рождественский закат.

Плынут в закатном пламени
Дворцы одноэтажные,
Янтарным ожерелием
Качаясь над Невой,
Колонны в буклях каменных
Блестят алмазной сажею —
Дряхлеющие фрейлины
Вплываются в Рождество.

* * *

Теперь по ночам просыпаюсь все чаще.
Часами лежу и уснуть не могу.
И слышу, как стрелки на левом запястье
Последнее время на части стригут.

128

* * *

Черной ночью карандаш костела
Заповеди в небе вырезает.
Белым свитком облако простерлось,
И гирлянда звезд над ним сияет.
В черных окнах искорки танцуют,
Звездной пылью Землю засыпает.
Запрокинув голову, стою я:
Божье слово по слогам читаю.

129

* * *

* * *

Массивные женщины с маленькими головами,
Похожие на динозавров, сквозь солнечный блеск
Спускаются к речке. Земля чуть дрожит под ногами.
Сочится зеленою влагою девственный лес.
В высокой траве их колени хвоши раздвигают,
Тельца кровяные в набухших аортах поют,
Выбирает воздух, на платьях цветы расцветают,
И райские птицы над ними деревья клюют.

Не то кириллица,
Не то глаголица
Из горла выльется,
Стихами взмолится,

И вся нелепица,
И вся невнятница
К стихам прилепится,
В глазницы скатится.

Бренчу копейками,
Земля качается,
А вены змейками
К вискам сползаются.

И кровь стучит сильней
Морянкой рваною,
И бьется, бьется в ней
Твое Послание...

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ С ИЗРАИЛЬСКИМ ВЫЗОВОМ

Мускулистый еврей с необрязанным сердцем,
Пересыпан веснушками царственный нос,
Рыжий чуб, седина помесь соли и перца
Как гремучая смесь в медной шапке волос.

Запрокинув кадык, он стоит у окна.
В двух шагах от него на старинной кровати
Ворожит в телефонную трубку жена,
Шнур елозит в ладонях, чуть задрано платье.

Баба sapiens с каплями света в зрачках,
Перламутром крошатся припухшие губы,
Как засохшая кровь, маникюр на ногтях,
Сигаретный дымок проплывает сквозь зубы.

Синяки, как лишайник, на голых руках,
Черепаховый гребень свисает с затылка,
И застыл в глазурованных желтых щеках
Полумесяц забытой блаженной ухмылки.

Электрическим светом струятся чулки,
Набухают могучие икры в нейлоне,
Шевелятся под платьем живые соски,
Словно ищут настойчиво чьи-то ладони.

И пока это длится, муж смотрит ей в рот,
Изучает ее говорящие губы.

А на улице ветер в клочки небо рвет,
Грохотание грома. Архангелов трубы.

Белой трещиной молния в грязном окне,
И израильский вызов над спинкой кровати,
Аккуратно приколотый кнопкой к стене,
Над затылком жены вспыхнул черной печатью.

ТРАПЕЗА

Гирляндой овальные плоские лица
Висят над столом, прижимаясь к стене.
Над лицами дым сигаретный слоится.
Усталый хозяин сидит в стороне.

Нанизаны на серебристые вилки
Кровавое мясо, раскрытые рты.
Полощется свет в недопитых бутылках.
Трясутся ножи на тарелках пустых.

Испуганный мальчик стоит у рояля
С зажженной свечою, прижатой к груди.
В мерцающем воздухе к лицам овальным
Прилипли куски ритуальной еды.

Набухшие губы жуют беззаботно,
Моргают невинно пустые глаза.
„Не кушайте мясо убитых животных.
Убиона — яд”, — вдруг ребенок сказал.

Лишь только он кончил, как полночь пробило.
В окне прокричал деревянный петух.
И слышно им стало, как вещи молились.
И свет на груди у ребенка потух...

А тот, кто был должен наутро предать их,
Из комнаты вышел.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

В промороженном небе запаяны
Куполов золоченые гроздья.
Божий храм на московской окраине
Над лампадами тлеющий воздух.
Две старухи в смиренном отчаяньи
Проклинают кремлевского Каина.
На ладонях Спасителя — гвозди,
Словно кровь. И висят неприкаянно
В окнах желтые страшные звезды.

СТИХОТВОРЕНИЕ С ОБУГЛЕННЫМ СТЕБЛЕМ

Под дикой развесистой клюквой,
Как будто покойники в ряд,
Глаголов мохнатые буквы,
Сцепившись слогами, лежат.
И корчится подпись, как корень,
Проросший сквозь буквы сорняк:
С обугленным стеблем — Григорий
А дальше обрублено — Марк.